

Каждая книга Галины Артемьевой оказывает терапевтический эффект, потому что содержит психологический лайфхак, усвоить который легко и интересно.

Читайте в серии
«Mainstream. Psychological life hack»:

Новый дом с сиреневыми ставнями
Кто косит травы по ночам
И в сотый раз я поднимусь
Невеста трех женихов
Хозяйка музея
Как бы беременная как бы женщина
Чудо в перьях
Несчастливой любви не бывает

**галина
артемьева**

Несчастливой
любви не бывает
(сборник)

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 821.161.1
ББК 84.4(2Рос-Рус)
А86

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберיום»

Миссия «Флоберiums» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Артемьева Г.

A86 Несчастливой любви не бывает / Г. Артемьева — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 202 с. —
(«Mainstream. Psychological life hack»).

ISBN 978-5-521-90021-3

Да, да, именно так: несчастливой любви не бывает! Галина Артемьева убеждена, что всякая любовь — счастье: и та, юношеская, закончившаяся драматически; и та, что оборвалась предательством; и та, которая, став при-вычкой, утратила свою остроту... Несчастье — когда любви нет. Несчастье — когда не любил ни разу. Горе — когда лишен этого дара. В этом убеждаемся, читая рассказы Галины Артемьевой.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90021-3

© Галина Артемьева, текст, 2021
© Яна Цилибина, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Иголка в стоге сена

*...И снова сон, и снова грустный холод,
О мой Творец! не дай мне позабыть,
Что жизнь сильна, что все еще я молод,
Что я могу любить!*

И.С. Тургенев. «Русский»

Почему-то именно весной возникают особые надежды. Солнышко чаще светит, вот что. Силы у людей появляются мечтать. И всем сразу хочется нового. Вечной и верной любви, добра и имущества всех видов — как движимого, так и недвижимого.

Человечество явно продвинулось в своих вечных поисках исполнения желаний. Сейчас уже точно установлено: мечты сбываются. С некоторыми оговорками, правда. Сбываются они не ровно в тот миг, как происходит процесс мечтания, а как раз именно тогда, когда этого меньше всего ждешь. У жизни свое чувство юмора. Она часто улыбается нам в самый, казалось бы, неподходящий момент.

Вот, пожалуйста. Три человека. Совсем разные. Каждый — в смятении чувств.

Двое из них объединены прошлым, которое на то и прошлое, чтоб о нем не вспоминать. Однако

прошлое настолько недавнее, что кажется пока настоящим и причиняет сильную боль и недоумение.

А третий — вообще существует отдельно. И не просто существует, а еле-еле.

Он всю осень и зиму провел в ежеминутной борьбе за жизнь. Девушку от гадов отбил. А самому досталось по полной. Вот судьба: был в горячих точках, не вередим вернулся. А родной город Москва оказался точкой горячее самых горячих. Так хорошо все складывалось: работа, третий курс универа. Мать все намекала на внуков, дед — на правнуков. Сам стал думать: а правда, не пора ли? Оказалось, зря мечтали, потому как предстояла ему командировка. На тот свет. Откуда не возвращаются. Или возвращаются в порядке большого исключения. Чтобы на этом свете чашу страданий испить до дна.

И почему он тогда полез на самый нож? Иначе, видно, не мог. Такой характер сложился — умри, но заступись. Даже за самого чужого. Или чужую. Девушку-то спасенную едва по имени знал. Приглядываться только начал. А тут гады полезли.

Врачи успели вовремя. Ухватили отлетающую душу и силком водворили в неподвижное бесчувственное тело. Душа свернулась клубочком и долго не знала, чем помочь и зачем она тут нужна. Просто так полагалось. Врачи боролись за жизнь, она кое-как затеплилась. А дальше обещать было нечего. То есть перспективы были. Например, научиться сидеть. Очень сложно, но можно. Ходить — нет. Такого не прогнозировал ни один даже самый дерзкий и оптимистичный специалист. Сидеть. Ездить на коляске. Учиться продолжить. Работать потом... На компьютере. Сидя в инвалидном кресле. А что? Тоже жизнь.

Девушка первое время навещала. Входила в палату с полными слез глазами. Хорошая, симпатичная, спасенная им для нормальной жизни девчонка. Но не своя. Чужая. Она честно ходила и маялась. Понимала, что должна ему как-то отплатить за собственную сохранность. И родители ее появлялись. Всегда с цветами, как на могилу, а не к живому парню. Ну, какая нормальная девчонкина мать к парню с цветами притокает? Она с метлой должна стоять. На страже дочкиных интересов. А тут... Эх...

Через месяц лежания, когда душа его распрямилась и окрепла, приспособившись к новым условиям, он велел девчонке не приходить. Жить своей жизнью и радоваться. И обязательно нарожать человек семь парней. Хороших и сильных. Чтоб гадов на свете стало меньше, а нормальных ребят прибыло.

Он велел ей пообещать, что так и будет. Она пообещала. Но и с него слово взяла. Чтоб на ноги встал.

— Вот первого сына покажешь, а я на него стоя взгляну, — уверенно сказал он.

Они даже помечтали, как будут дружить семьями.

Больше она не приходила, как он и просил. И это было правильно. Теперь ничто его не отвлекало от боли и стремления сделать по-своему наперекор всему.

Можно описать каждую минуту его дневной жизни. Они отличались друг от друга, эти минуты, разными красками и звуками боли. И разными словами, сказанными самому себе, чтобы перестать слышать собственное страдание. Боль — это то, что досталось ему от гадов. Он не мог оставить победу за ними.

Он сумел сесть. В рекордно короткие сроки. Врачи объясняли свершившееся на их глазах чудо молодостью и здоровым организмом. Все это казалось пол-

ной чепухой. Он-то знал: главное, суметь отдать четкий приказ. А потом выполнять без рассуждений. Этим он целые дни и занимался.

Вера в победу пришла, когда получилось пошевелить пальцами ног. Это событие, потрясшее врачей, стало доказательством их неправоты. А они радовались, как дети малые, заставляя его показывать толпам студентов великое событие — как рослый парень двигает поочередно ножными пальцами. Как будто сами этого делать не умели.

Усилия приходилось прилагать ежеминутно. Не расслабляясь и не жалея себя. Однажды ночью он проснулся от толчка в сердце. Чей-то чужой голос сказал ему отчетливо:

— И что ты напрягаешься? Боль-то навсегда при тебе. И даже если встанешь — сколько лет пройдет, чтобы ты стал прежним? И кого ты себе — такой — найдешь? И как? Легче иголку в стоге сена отыскать, чем такому, как ты, подругу жизни.

— Заткнись, — велел он чужому голосу. — Иголку найду, если надо. По травинке стог переберу, а найду. А подруга, которая обо мне мечтает, появится. Ведь и я мечтаю о ней.

Разве мог он позволить себе бояться поисков какой-то иголки в пусть даже огромном стоге сена? Еще чего!

После подвига с пальцами ног никто уже не сомневался в его возможностях.

И вот он встал. Как говорится, не прошло и полгода. Но что это по сравнению с вечностью, правда?

Осени не видел, зимы не видел. И словно очнулся вдруг: кругом весна, апрель! Что делается-то, братцы!

По дому он уже вполне сносно ходил. С костылями. Пока с костылями. Не прислоняясь к стенке, не останавливаясь на передыхи. Мама совершенно успокоилась и даже временами просила что-то принести ей из другой комнаты: забывать начала плохое.

Наконец апрельское солнце заставило его решить-ся. Он вышел на улицу. И потихоньку побрел, щурясь и улыбаясь настойчивости солнца. Сбылось!

На этой самой улице, по которой медленно передвигался самый счастливый человек на свете, стоял дом, где мучился и страдал человек очень и очень несчастный. Настолько несчастный, что он собирался умереть. И даже назначил час своей смерти. Полдень. Ровно в полдень его не станет.

При одном условии. Если ровно в двенадцать она не позвонит.

Он просил ее в письме, умолял дать ему еще один шанс. Последний. Иначе она может считать себя убийцей человека. Он выбросится из окна. Пусть не волнуется: предсмертной записки он не оставит. Ее никто не обвинит. Она сама до конца жизни будет знать, что убила его. Вот и все.

До двенадцати оставалось совсем немного. Он держал в руке телефон и ждал.

Позвонит или не позвонит?

Главное — пусть позвонит. Там уж он найдет слова. Уговорит простить. Поверить, что в последний раз и больше никогда-никогда.

Да, она красива. В том-то и беда. В том-то и главное во всей их истории. Она красива так, что люди не могут не смотреть. Это ему понятно. Но выдержать невозможно. Он злится, когда они зыркают в ее сто-

рону. Он понимает, что она ничего не делает, чтобы привлечь чужое внимание. Она такая уродилась. Иногда ему кажется, что она даже до конца не понимает, насколько мощной силой обладает. Ведь любой почтет за счастье... Любой. А она с ним. И говорила всегда, что любит.

Он смотрел на себя в зеркало и не верил ей. Его не за что любить. Роста небольшого. Лицо — ничего особенного. Нет, не может такого быть — и все. И от этих мыслей он так на нее обижался, что хотел задеть, сделать ей больно так, как больно сейчас ему самому.

А ведь он все-все знал. И про то, что встретились они через месяц после смерти ее мамы. Долгой и трудной смерти от рака. Не время было маме уходить в ее сорок четыре года, а дольше пробыть с дочкой не получилось, как обе ни старались. Незадолго до вечной разлуки мама сказала: «Ты встретишь своего единственного, выйдешь замуж и родишь деток. Пусть их будет много. Одной плохо оставаться на белом свете».

Когда они познакомились, ей почему-то сразу стало понятно, о ком говорила ей мамочка. Она не собиралась искать кого-то еще, решив для себя все-все раз и навсегда.

А ему требовались проверки чувств. Он закатывал скандалы. Объяснял ей, что зря не станут оборачиваться, не иначе как она своим вызывающим поведением или неподобающей одеждой вызывает нездоровый интерес.

Поначалу это даже трогало ее. Любит! Он ее любит! Потому и боится потерять! Так ей казалось. И она привязывалась все сильнее.